

Полина д'Эсперанс

Однажды, в северном Неаполе...

Почему мы помним тех, кто с нами был совсем недолго?

16+

Полина д'Эсперанс Однажды, в северном Неаполе...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43933580

SelfPub; 2019

Аннотация

Девушка, воспитанная в духе порядочности и давшая клятву взаимной любви, попала в сети соблазна неординарного иностранца. Познакомив её со своим мировоззрением и показав себя её мимолётным героем, радикально изменившим её жизнь, мужчина превратил месяцы обучения девушки за границей в сладостную мечтательную негу и одновременно в сущий ад. Муза для вдохновения или жених для стабильной жизни? Путь к собственному «я» или боязнь чужого мнения? Один день, оставивший надолго глубокий отпечаток и приобщивший к теории любви как вечной мужской и женской философии.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Посвящается М.П., кто дал поверить в ценность и безмерность чувств, силу момента, а также в то, что казалось невозможным и даже безумным. И кто научил наслаждаться жизнью во всех её проявлениях, беречь свой личностный огонь, который даришь людям и с которым умеешь их вести. И с кем продолжаешь созерцать вещи по ту сторону зеркала и в ретроспективе.

Предисловие

Женщины редко когда могут сказать чётко, чего они хотят. Если сегодня они сказали одно, а завтра другое – а ведь разница может быть и не в день, а и вовсе в какие-то пять минут! – лучше не верить ничему, а просто подождать и дать буре эмоций утихнуть... Конечно, только если вы сильны и сами честны с собой. И хотите помочь этой женщине не запутаться в собственных мыслях. Прежде чем не сойдете с ума сами и не сбежите.

Но поверьте, чем бы любая история ни увенчалась. И солгала бы женщина себе или вам. Сердцем она всё помнит. И, возможно, сублимирует и кристаллизует в творчестве для всех или в личном дневнике, больше никогда вас не видя... Даже если человек её мечты остался лишь её воспоминанием или больной, навязчивой фантазией на будущее, которая никогда не станет явью, самая гордая и сильная на свете женщина откажется от всего и с радостью признает себя поверженной – если только с годами за одной мечтой не придет ещё одна, кажущаяся ещё желанней и недоступней. Ес-

ли только рано или поздно кто-то сам не захочет стать её реальностью, которую она готова будет принять, покидая мир грёз... Однако осадок, скорее всего, останется – и даже годы брака спустя возможны случаи, когда мы предаемся тем самым давним мимолётным иллюзиям, самым искренним и сильным...

Часть 1. Романтический герой

Две недели спустя, когда я впервые испытала самые неохватные и в то же время странные, недосказанные ощущения, начало моих заметок звучало так: «Порой, кажется, рокот этой эмоциональной волны позволил бы мне всё записать, как песню, на диктофон... но поверьте мне, интимные искорки счастья – о них не говорят на публике, о них не кричат, словно рассказывают анекдоты. Это именно минуты, часы счастья. Которое подобным быть может только при уникальных обстоятельствах. В уникальных местах. С уникальным человеком – и воспоминаниями о нём...»

Это только начало рассказа, которое мне пришлось отложить, из-за того что душой всё больше и больше тонула в сожалениях об упущенном счастье, которое ценила меньше; разрывалась в сомнениях перед серьёзным выбором – кого мне видеть рядом с собой: того, кто меня любил, того, кого любила я, или вовсе искать невзаимной любви, но гарантированного взаимного уважения и вечной внутренней свободы; не раз теряла самообладание и чуть не сделала себе хуже, забыв в другой стране, накануне вылета, про всякую органи-

зованность и прочие разумные и более значимые вещи...

Первые пару месяцев, уже на дистанции, всплески ещё давали о себе знать. Но жизнь продолжалась, и рано или поздно с этим следовало бы покончить и не то что эмоционально отпустить – стереть из памяти.

Что, полагаю, мало кому удаётся; даже если мы будем убедительно лгать кому-то, что всё забыто и этого не вернуть, стоило бы им однажды, через много лет, снова соприкоснуться хоть с чем-то из тех событий – я не буду лгать: внутри что-то да содрогнётся.... Мы не прикажем своему подсознанию утихнуть и жить «по общечеловеческим правилам». И что это вообще такое: общечеловеческое? Это не догма, которой мы слепо повинемся, чтобы кому-то угодить, а за спиной плевать. А та самая душа, которую мы раскрываем на своё усмотрение и которая помогает нам быть кем-то больше, чем дикими тварями, живущими одной физиологией...

Так вот, к чему я это всё? К одной истории. Истории девушки, которая стала видеть больше оттенков, больше интенсивно и больше путей развития, чем «это чёрное, а это белое, поэтому я сразу выберу что-то одно, с закрытыми глазами».

– Мне проводить тебя в аэропорт? – спрашивал накануне вылета Герман.

– Нет, я поеду на «Аэроэкспрессе».

– Хорошо, но прежде чем я попрощаюсь и поеду домой, я подарю тебе вот это, – и он достал серебряную цепочку с цветком из тёмных лепестков. – Чтобы ты всегда носила его и помнила обо мне. И не грустила, что мы так долго не сможем видеться.

Я была более чем растрогана даже не столько самим подарком, сколько поступком человека, который искренне не представлял жизни без меня.

– Но она тебе дорого обошлась?

– Нет, это не то чтобы предмет роскоши, но она красиво смотрится на тебе.

Он долго любовался на меня в зеркале, положив подбородок мне на макушку и обнимая меня сзади. Да, я не испытывала подобного состояния – смеси отчаяния и меланхолии, – как он; пока мы были рядом и никуда друг от друга не отдалялись, у меня сохранялась иллюзия, что всё будет по-прежнему хорошо и при этом пойдёт чётко по плану: мы встретимся, успев друг по другу соскучиться, ярко отметим моё долгожданное возвращение и однажды, став ещё взрослее и увереннее в себе, как в личностях, поженимся, окончательно проверив друг друга на чувства временем и дистанцией; а что же я действительно буду ощущать во время нашего расставания, я не могла спроецировать на настоящее... Говорят, загадывать плохо, но и совсем терять нить времён и старые живые воспоминания было бы бессердечно.

Мысли тем не менее были заняты другим: громким и

неизвестным вызовом. Вот-вот должна была очутиться в Бельгии и получить свежий взгляд на то образование, которое я получала в России; пусть это и будут какие-то три месяца, а не год и не целый бакалавриат, но даже за такой промежуток можно было полностью переосмыслить свою жизнь, едва ты погружаешься в новые реалии и открываешь для себя новые места и знакомства. Ожидая поначалу каких-то невероятных сложностей: ведь придётся совмещать две программы – местную и российскую, из которых последняя оказалась даже насыщенной, – со временем я и вовсе успокоилась, потому что это только вершина айсберга, которую можно увидеть в образовании за рубежом. «Посещайте места, пробуйте нашу кухню, путешествуйте, общайтесь, совершенствуйте язык... просто расширяйте свой страноведческий кругозор!» – говорили нам преподаватели в начале семестра. Также думаю, что для них не было секретом, насколько менее культурно – назовём это «межкультурно», по-европейски – местная молодёжь проводила тут вечернее и ночное время. А некоторым, особенно за такое продолжительное время, удавалось найти свою духовную половинку и пережить с ней самые необычные дни на новом месте... И именно этот случай, упомянутый последним, очень резко повернул всё, что мне было предначертано. Жизнь не просто так течёт, а время не просто так проходит, дав песчинкам из верхней половинки пересыпаться в нижнюю; не всегда говорят «на старт!», чтобы ты лишь пришёл к финишу.

Настоящая жизнь – это препятствия и открытия, это актёры и декорации, это отказ от старых стереотипов в пользу безграничности форм одного и того же...

Не одна вечеринка в Брюсселе, не одна поездка по городам Фландрии и Валлонии, миллион найденных мною же дисциплин, которые не были предусмотрены программой и даже не велись на моём факультете...

– Ciao, mi chiamo Elina, il mio hobby è scrivere le poesie in russo e francese e sono qui, perché ho studiato un po' l'italiano, ma senza pratica l'ho quasi dimenticato tutto.¹

В первый раз я пришла в группу с начальным итальянским, где, однако, быстро заскучала. Изучив расписание снова, нашла пары для среднего уровня – где осознала, что мне просто не хватало лексикона для выражения большей части моих мыслей, а ориентирование на французский только создавало миллион ошибок и неудобных переспрашиваний у преподавателя. «Может, мне и не стоит ходить сюда? – переживая, рефлексировала я. – Только группе буду мешать...» «Ничего подобного, приходи!» – подбадривала моя новая знакомая из Германии, с которой я и познакомилась на занятиях итальянским, а позже встретилась с ней и на некоторых других предметах. Я тогда ехала в ночном поезде из Брюг-

¹ Здравствуйтесь, меня зовут Элина, я люблю писать стихи на русском и французском и сейчас я здесь, потому что итальянский я изучала, но без практики забыла почти всё.

ге и успела порядочно заняться самоедством, что и подтолкнуло меня на подобного рода сообщения (сохраняя старую привычку социофоба, даже после серьёзных изменений своих взглядов на жизнь, я предпочитала о самом важном писать, а не говорить). Но потом сама же себе сказала: «Ничего простого в жизни не бывает; если я не начну брать штурмом крепости, они никогда не сдадутся сами». Я зашла в профиль к этой подруге и случайно вышла на мероприятие, которое пришлось бы как нельзя кстати. Там был разговорный клуб в одном из баров, где предлагались самые простые правила: приходите и общайтесь, ассортимент алкоголя способствует прогрессу в изучении любого языка, ждём вас каждый четверг, добираться можно чем угодно – от трамваев и машин до ракет и ковров-самолётов.

Отлично. Я знала, что вся Бельгия гуляет по четвергам (как мне рассказывали, раньше студентам было сложнее возвращаться к себе домой в сразу же после большого пятничного веселья, они предпочли это делать в четверг, чтобы провести дома полноценные выходные). От разговорного же бара-клуба я не ожидала чего-то большего, чем от того, что проходило у нас в Москве. Там будет, наверное, примитивное склеивание фраз на языке, который только начал изучать, и поддакивание с другой стороны: «Молодец, да, я понял, что ты хочешь сказать». Отчасти и это случилось...

– Hello, is it a conversation exchange club #

– It is, come and take a seat, – ответил мне молодой человек

на втором этаже, куда меня направили. – What languages do you speak and you'd like to practise?

– I speak French and Russian and I'd like to practice Italian... and maybe German.

– So, we have tables with Spanish, English, French... and soon as there will be more people you'll see. ²

Было только семь сорок вечера, а я, стараясь быть пунктуальной, сильно торопилась на первую для себя подобную встречу, даже не подумав, что немало людей приедет позже, в самую гущу событий. Даже закончившийся мобильный Интернет-трафик не задержал меня сильно: прохожие и названия улиц помогли сориентироваться и без всяких карт. На первый взгляд покажется, что без связи современному человеку жить просто невозможно, но я и потом не раз поняла, что это лишь привычка, от которой тоже просто на время избавиться. Тем более, люди из разных стран, с разным опытом жизни и с разным темпераментом представляли более заметный интерес.

Передо мной сели два итальянца, которых грамотно распределили ко мне. Пусть я и не была носителем французского, но чувствовала себя в нём достаточно уверенно, чтобы не «изучать», а помочь другим в его изучении, в обмен на

² – Здравствуйте, разговорный клуб?– Да, проходите и садитесь... На каких языках вы говорите и на каких хотели бы поговорить?– Я говорю на французском и русском и хотела бы попрактиковать итальянский... и, возможно, немецкий.– Так, у нас есть столы с испанским, английским, французским... скоро сюда подойдёт больше людей, потом разберётесь лучше. (англ.)

более необходимую помощь с другими языками. Разговор в итоге не особо удался, учитывая, что у обоих уровень изучаемого языка был неважный. Обоим парням было лет двадцать шесть, может, меньше, может, больше. По их словам, они здесь по работе только неделю и учат язык прямо на месте, чем немного повергли меня в шок. Казалось бы, принято сначала сдавать международный экзамен, потому подавать на работу, но я тогда ещё не знала местных порядков, особенно в сфере политики и всем, что с ней связано. Несмотря на не особо сложившийся диалог – вернее, даже полилог, ведь нас было трое – ребята готовы были со мной связаться, чтобы продолжить практиковать язык дальше (случится в итоге это или нет, уже не важно, но, как ни странно, в мире глобализации люди легко собирают контакты и легко же их забрасывают). Вскоре они решили «расширять свои контакты дальше» (и удивлять всех своими разными диалектами) и, попрощавшись, перешли к другому столу.

Не успела я опомниться от этой странной беседы, как ко мне практически сразу подсел человек, оказавшийся их полной противоположностью...

«Мужчина, здесь немного с другой целью знакомятся», – чуть не проронила я, успев напрячься от такого решительного приближения ко мне. Но, в прочем, это сказала бы не я, а какая-нибудь другая, педантичная и принципиальная женщина, но только не я. Передо мной сидел даже более чем не стесняющийся своего прорывного обаяния мужчина, то-

же итальянец, одетый в красную рубашку (дорисуйте портрет: «нараспашку»), с бокалом тёмного пива. Пусть и немного грубоватый в поведении и во внешности, он мне импонировал. Я даже не помню его первых реплик, как и, наверное, он, потому что долгое время мы больше изучали друг друга внешне, успевая между делом бросить что-то друг другу в виде немного значащих слов.

Это был брюнет с глубоким взглядом испепеляющих чёрных глаз, с выразительными дугами бровей, с чувственными губами, способными смаковать абстрактные эссенции, не всем доступные, а также целовать руки и не только руки сотен женщин, как сказала бы я; средней комплекции, с широкими плечами и крепкими руками, в том числе ладонями, роста выше среднего; одежда на нём была скорее простая, однако само впечатление о себе как о личности он производил обратное. По одежке встречают...

Я послушала самую выразительную на свете итальянскую интонацию, которая по большей части шла его родному языку, нежели французскому, на котором он, однако, говорил прекрасно! Я поняла, что почти все итальянцы приехали сюда в одно и то же время... но мне не верилось, что можно было за неделю так уверенно себя чувствовать на новой языке и равным образом реагировать на реплики со стороны. Я предположила, что он, как и я, занимается компаративистикой романских языков: по наитию он подбирает слова на французском, в которых он не уверен, с опорой на итальян-

ский.

– Ed io vorrei provare di...

– Condizionale! Brava,³ – оценил он, после того как сам блеснул использованием других наклонений. Любовь к языкам в целом нас тут же вывела на другой уровень общения.

– Знаешь, я жил в Испании два года – и я сразу стал общаться на их языке и прекрасно себя чувствовал. И ещё я знаю португальский. Это на самом деле очень просто. Вот французский, из всех романских, для меня пока что – новый вызов, но потому у меня не пропадает желание постичь его...

– Всё, что ты говоришь про практику разных языков, мне самой стало понятно, как только я приехала в Европу... (Мы договорились сразу перейти на «ты», хотя к мужчине, которому на вид можно было дать тридцать с небольшим, я могла так обращаться, лишь слегка для начала пересилив себя.)

– Да, правда? Ты не француженка?

– Русская. Но этот язык мне всегда давался с лёгкостью, мать через французскую литературу передала мне любовь к французскому...

– Литература... Я пишу, кстати. Стихи и разные размышления.

– Вот это да! – тут я отпрянула и с интересом всмотрелась в этого красавца, подложив руку под подбородок. – Я рада видеть единомышленников. Тут сразу есть о чём поговорить.

И меня унесло в собственные свежие впечатления. От

³ – А мне хотелось бы попробовать... – Условное наклонение! Молодец. (итал.)

всего. От жизни, приключений, знакомств, первых путешествий, сплошных возможностей, за которые только бы и решительно ухватиться... словно к этому человеку стоило прийти на исповедь. Молодая и мечтательная, когда-то в детстве жившая в закрытом мире, а потом открывшая для себя большую разноцветную и многогранную жизнь, я заканчивала уже этой фразой :

– И знаешь, когда с тобой случаются неожиданные вещи, ты берёшь, предаёшься страстям, выключаешь голову... Я не слишком далеко ушла? – осеклась тут же я.

– Почему же? – с удивлением отозвался он, тоже словно выходя из своей прострации.

– Мы же знакомы как пять минут.

Он рассмеялся от души и тронул меня за плечо, словно этим жестом пытался показать, что доверять ему можно. – Да ничего страшного. Всё так и есть, всё с нами бывает. И мы должны этому отдаваться, это природа, наша естественная природа. Я люблю искренность в людях.

– А, ну хорошо, – успокоилась я и продолжила тему.

Наш разговор ушёл в творческое русло. Мой собеседник сам принялся быстро, пафосно, выразительно, волнительно говорить – нет, он словно пел на сцене – на итальянском, с умеренным, но заметным использованием жестов. Потом высказалась снова я, и на какой-то момент он вдруг перестал участвовать в этой дискуссии, отвлѣкшись на телефон, чтобы либо ответить на сообщения, либо что-то найти. Меня это

немного возмутило: я, видите ли, во вкус вошла, интерес в подобного рода дискуссии только возрастал, а он просто принял общение за данность, сидя передо мной с видом «я тут шёл пообщаться, как собеседник ты сойдёшь, да, я тебя параллельно слушаю». Я подсознательно отзеркалила его поведение и сама беззаботно развалилась на стуле, слегка обнажив свой верх: я была в растёгнутой толстовке (и всё равно не сомневалась в своей привлекательности), под которой виднелась красная майка с вырезом, на что мой итальянец сразу обратил внимание:

– У нас даже рубашка и майка одинакового цвета, – и, казалось, готов был «проверить» на ощупь, что развеселило в этот раз меня. Я осталась довольной своими лёгкими проказами, которые он с радостью принял, осознавая всё больше поднимающуюся общую волну, которая бы вовсе могла нас, авантюристов по своей натуре, захлестнуть и унести во что-то небывалое.

– Сколько лет? – с ненапускным интересом решила выяснить я.

– А сколько дала бы?

(Честно, как я сказала выше, он выглядел более чем зрелым. Но по манере общения, общей лёгкости, я занизила планку.)

– Ну... не вгоняй меня в краску, я не умею угадывать возраст... двадцать пять, двадцать шесть?

– Двадцать восемь. Почти угадала.

– Так вот не скажешь. Всё равно вижу в тебе бодрый молодой дух, – просквозила я его взглядом обожания, про себя склоняясь к мысли, что на деле он выглядел мужчиной в самом расцвете лет... два в одном флаконе, парадокс – как это притягательно... – Мне вот двадцать.

– Вот это да, и такая уже интересная!

Я скромно улыбнулась, но искорки, выпущенные из зеркал души, нельзя было скрыть: он мог догадаться, что был мне симпатичен, да и я сама стою немало... но только никому не посоветую легко надеяться на «логичное завершение событий». Продолжение – почему бы и нет, более чем интересно. You never know...⁴

– А как у тебя с твоей музой, с твоей девушкой? – вскользь и будто невзначай (хотя так оно и было, у меня, несвободной девушки, не было никаких видов на едва знакомого мужчину).

– Знаешь, так всё это тяжело... – Локти его упёрлись в стол, а сам он волнительно рефлексировал вслух, сидя передо мной. – Сейчас на дистанции, уже давно, у неё ещё было одно психологическое расстройство, я постоянно поддерживал её... – Его так и передёргивало. – Не хочу это всё вспоминать. Тяжёлые отношения были. Не воспринимаю это уже так, как раньше мог.

– Мне очень жаль...

– Да всё бывает. И вот я здесь теперь... Знаешь, мне пора

⁴ Никогда не знаешь... (англ.)

уходить.

– Слушай, было невероятно приятно с тобой поговорить. Давай добавимся друг к другу... Единственное, там одному парню приходилось кириллицу в настройках добавить. Всё никак не могу пока ничего поменять, Фейсбук ограничивает эту возможность жёсткими сроками... Давай я тебя сама добавлю.

– Найди меня у Антонио, который приходил сюда до меня; я у него в друзьях. Он сейчас там, – жестом показал он на дальний шумный столик.

– О, вы уже успели познакомиться... Здорово. Как тебя зовут? Чтобы нашла.

– Франко.

– Ага... А фамилия?

– Кьяравелло... Нет, не Каравелла, а Кья-ра-вел-ло...

На слух я написала неправильно, и он, глядя в мои заметки на телефоне, поправил. После чего громко и от души расцеловал в обе щеки, не переставая тем самым смущать меня; но теперь мы оба не думали лишний раз о том, что всё, что мы знаем друг о друге – это наша волна, о которой неизвестно практически ничего, но которой может мощно ударить, что было вдвойне страшнее... Но, пожалуй, это было самым главным, чтобы ощутить, что мы знали друг друга давно. Мы говорили на языке намёков, и в то же время у каждого слова есть далеко не один смысл... И вот, до сих пор я могу открыть заметки и найти ту самую, где ровно в 20:44 я на бу-

дущее, когда у меня появится сеть, добавила себе этого человека.

Немного позже я сидела в окружении продвинутых поклонников немецкого – это были румыны, взявшие пива и засыпавшие, по-видимому, гениальными вопросами мою подругу-немку, которая и пригласила меня в этот клуб и теперь сидела в их радостной компании, стеснительно улыбаясь и давая мне знать, что вечер проходит чудесно.

То и дело я, скучая (практика проходила весьма тухло), оборачивалась на столик позади меня, где сидела более возрастная аудитория, самая многочисленная и увлечённо что-то обсуждавшая на английском с разными акцентами. Деликатно попрощавшись с германофилами, я подошла к столику и, к своей радости, что люди воспринимали меня без всякой строгости и предрассудков пожилых людей, села к ним, с трудом найдя свободное место между пожилым канадцем и полячкой. Первый, как оказалось, в молодости играл в собственной музыкальной группе и даже год учился в России...

– Ничего, правда, не помню... скажи, как будет «я, ты, он, она»?.. Даже этого не помню! Ужас какой. Но в МГУ было здорово. Интересный опыт, мда... А вот попробуй с ней, – показал канадец на полячку, – сказать какую-нибудь фразу на русском, а она на польском. Кто-то говорил, эти языки похожи, а мне что-то не верится...

В итоге он оказался прав, и, после ещё нескольких минут общения он тоже захотел обменяться со мной контактами и

признался, что я оказалась интересным собеседником – как, в принципе, сказал бы любой вежливый человек, особенно если судьба позволила с кем-то пообщаться. Но я посчитала, что это было сказано искренне. Что и говорить: вечер и вправду удался, я была в приподнятом настроении и первый раз осознала, как же душевно и полезно можно провести время и в обычном общении с людьми из разных точек мира и при этом не планировать намеренно какой-то дорогой досуг (даже заказывать ничего не пришлось)... Я знала, что много где в Москве за таких чудесных носителей пришлось бы отдать дорого, чтобы те поделились своей полезной фонетикой и лексикой; здесь же все были равны и все одинаково хотели новых впечатлений, пока поле было не вспахано...

Возвращаясь домой, я не один раз нервно спрашивала у сидящих со мной в 81 трамвае, не это ли остановка Ля Шасс, чтобы не выходить по ошибке на какой-то другой и не дрожать от холода следующие минут двадцать, в ожидании нового транспорта. Остановки тут не объявляли и не высвечивали на табло; трамвай тихо ехал дальше, а мне оставалось только пристально всматриваться в тёмные улицы с тусклыми фонарями. К счастью, вышла я на своей, и, выходя прямо перед магазином мебели, мне тут же бросилась на глаза стоявшая на витрине, без света, большая, безумно красивая, манящая кровать... «Как же поздно!» – подумала я, глядя на часы и побежав в сторону дома, где перешла дорогу, обогнула ряд магазинов всех возможных предназначений, пока

не добралась до заветной кровати, своей... Однако мне не спалось. Эмоции переполняли меня, и, уже под тёплым одеялом, в прохладную брюссельскую мартовскую ночь, я наконец добавила всех интересующих меня людей. А те наутро вспоминали, с кем же они успели за пару кружек пива познакомиться и на какие интересные темы выходили.

Я даже не считаю, в который раз в моей голове рисуется следующая сцена: я иду по твоей улице, подхожу к дому, нахожу нужный почтовый ящик, куда хочу бросить письмо в конверте. Анонимное, чтобы ты не был повергнут в ужас, от кого оно, не порвал его и не выбросил в урну или не развеял по ветру через окно, на перекрёсток времени ⁵... А в этом конверте лежала бы также шоколадка «Красного Октября» или другой нашей известной фирмы, как скромный и в то же время необычный для тебя сувенир, который стал бы первой вещью, которую я привезу в маленькой сумке – весь мой багаж, – купив билет на самый доступный мне рейс совсем спонтанно, чтобы так же спонтанно признаться тебе во всём...

Бросать ли этот конверт в ящик и уйти, выдохнув и даже не обернувшись ни разу назад? И так и не узнав, найдёт ли его нужный адресат? Будь что будет! Может, ты уже уехал

⁵ Аллюзия на собственное стихотворение (из сборника «Молодые голоса»): Но поздно. Испытание. На перекрёстке времени Прошедшего – метание, Грядущего – затмение. (Примечание автора)

в другую страну, оставив ключи кому-то другому, а нынешний жилец с недоумением держал бы этот конверт у себя, да же не развернув, либо же развернув, изучив и подумав: «Боже, неужели Девушка так может влюбиться, чтобы пойти на это?»»

Однажды, помню, будучи под впечатлением от одного музея современного искусства, я подошла к кассиру (сменившего, по-видимому, предыдущего, за время моего долгого посещения всех залов) и спросила, можно ли будет оставить свой отзыв. Он, подняв голову, уставился на меня, глаза в глаза:

– Вы о чём?

– Эм... книга отзывов, в которой пишут, – пробормотала я... и добавила, – мне безумно понравился ваш музей.

– Правда? – широко улыбнулся он. – Давайте я вам лучше оставлю электронную почту музея.

...Неделю спустя я ехала в тот же музей, практически впритык до закрытия – ровно так же, как и в то воскресенье, когда у нас оставалось ещё пятнадцать минут на беседы, но я была слишком скромной, чтобы навязываться. Музей находился достаточно далеко от моего дома, и дорога заняла у меня час, из которых минут десять я шла под дождём, грациозно, в красивом пальто.

– Здравствуйте, вы не знаете, кто работал здесь, на кассе, в прошлое воскресенье?

Выходец из африканской страны с интересом изучал меня:

– Что же вас заставило сюда приехать?

– Понимаете, я хотела пообщаться в тот раз с одним молодым человеком и постеснялась, боялась отвлечь от работы... думала, застану его здесь...

– Ко мне бы приезжали такие девушки!..

– И он оставил только почту музея, но я ещё ничего не написала...

– Мне нравится, как вы действуете. Честно, – улыбался он и, желая мне помочь, стал перебирать всевозможные варианты:

– У нас в это время работают студенты, раз в две недели. Вас интересует сенегалец? Или австриец, высокий блондин...

– Он австриец?! – воскликнула я и тут же мысленно ушла на несколько лет назад. Опомившись через какое-то время, я проговорила, прерывая себя истеричным смехом:

– Я так и подумала... Вот это повороты судьбы... Я как-то посвящала одному безумно похожему на него австрийцу целый сборник стихов.

– Я сразу понял, что он вам понравился.

– Непростая история. Очень. Как же всё-таки циклична история! – продолжала безумно восклицать я куда-то в пустоту и с трудом держалась ровно на ногах, до сих пор не веря в подобные совпадения. И, смеясь и растерянно разма-

живая руками, добавила, уже обращаясь к кассиру:

– Но вот такой я была...

– Хотите, я дам вам его контакт?

– Да... Наверное, пригодится. – Мне хотелось непременно увидеть его лично, но зная, что терпеливо подождать ещё неделю я не смогу, тем же вечером написала что-то эмоциональное на выданный мне адрес, упомянув, что мне было неудобно просить личную информацию без его разрешения и что я не настаиваю на встрече, но просто хотела признаться, что его личность меня заинтриговала, я до сих пор жалею, что не сделала это вовремя – не захотела узнать друг друга получше прямо на месте, – и я была той несчастной посетительницей, которой понравился их музей. Исход оказался благополучным, избавившим меня от лишних переживаний на будущее: мне ничего не ответили. И я решила больше туда не ехать. Про отзыв и забыла...

На следующий день, то есть, 15 марта, на моё сообщение:

– Ciao, è Elina della Russia che scrive le poesie, ⁶–

Я получила следующий ответ:

– Scrivi anche tu?! Le cose si fanno più interessanti...⁷

И ему пришлось тоже вспомнить всё возможное, что случилось с ним в тот день. Я между тем решила получше изучить человека и, прокручивая в голове наши экзистенцио-

⁶ – Привет, это Элина из России, которая пишет стихи. (итал.)

⁷ – И ты пишешь?! Ситуация становится интересной... (итал.)

нальные диалоги, вышла с Фейсбука на его профиль в Инстаграме.

«Утопия находится на линии горизонта. Я делаю два шага вперед, она отдалается на два шага, а горизонт убегает на десять шагов в даль. Так для чего же нам нужна утопия? Для того, чтобы продолжать идти.» (Эдуардо Галеано)

«Не побывавший в Севилье не увидел чудес».

И много других цитат, личных высказываний, долгих рассуждений и стихов.

– Красивые у тебя фотографии, – вскоре отозвался он и на мой профиль, видя, что я оценила некоторые его записи.

– Спасибо... Почитай мои стихи, я их отправлю тебе сразу сборником в электронном виде! – И я немедленно нашла у себя на телефоне свежий файл, с книгой, готовившейся к публикации. – Там по-французски есть немного, ты это точно поймёшь. Остальное, увы, на русском.

– Ох, как бы я уже хотел понимать русский! – смеялся он.

– Это будет уже задачей посложнее.

– Да я знаю. И оставлю её на потом, а сейчас для меня важнее французский.

– С радостью перейду сейчас на него.

– Вот тебе ссылка на все мои стихи...

– Мне бы научиться ещё и на итальянском писать... И постигать итальянскую мелодику.

– Я научу тебя входить в итальянскую мелодику... – Эта фраза прозвучала многообещающе, и я решила вовремя

включить здравый смысл и оторваться от спешных восхищений человеком за экраном. Чьи намерения мне пока были совсем неясны, хотя беседа наша шла очень безобидно. – Твои стихи я почитаю в автобусе, сейчас сажусь на него и еду на работу!.. В Инстаграме, как ты уже могла заметить, я временами публикую стихи на испанском.

– Знаешь, ты вот у себя писал в досье, что ты космополит. И это здорово. Я тоже описала бы себя таким словом: никогда не хотелось оставаться на одном месте, вовсе было мечтой переезжать из города в город.

– Знаешь, общение вчера сразу показало, что встречи бывают неслучайны... Ты интересный человек, и я рад, если видишь подобное и во мне.

– Да... И у тебя такие посты невероятные... каждый со смыслом.

– Я люблю думающих людей. И мы с тобой, по всей видимости, в одной лодке.

– Это из итальянского такое выражение?

– Да.

– Так забавно. Но я догадалась, о чём ты. Спасибо, что делишься своими идиомами... Французы бы сказали не *dans le même bateau*, а *à la même longueur d'onde*, «на одной волне».

– Я считаю, поэтому нам и надо будет видеться больше, чтобы совершенствоваться в знаниях языков.

– Что такое *mi sa?* – переспросила я начало фразы.

– *Je pense*, – перевёл он на французский.

– Я только за, – с внезапным приливом сил и обретением бодрости духа ответила я, даже не подозревая о том, что он мог вкладывать в эти «встречи».

– Мы же можем увидаться в ближайшие дни?

– Полагаю, да. В субботу меня зовут на День святого Патрика, зовёт знакомая итальянка, у которой парень – русский. Да, такие милые совпадения. Но тут я сама не знаю, когда точно что будет, поэтому сообщу позже.

– Хорошо, тогда жду новостей, – и далее скромный, приветливый смайл.

Некоторое время спустя он написал позже:

– Я тут наконец нашёл себе дом. Скоро буду жить в Сен-Жилле (тогда я не совсем обратила внимание на это «буду» и почему-то приняла «скоро» за «сейчас»). А ты, кстати, где живёшь?

– В Эттербеке.

– Это же совсем рядом, – снова с радостью отметил он.

Меня все больше и больше смущали и одновременно взаимно радовали такие ремарки мужчины, который хотел с самого начала общения показать себя как можно с лучшей стороны и вместе с тем извлечь как можно больше плюсов из общения с красивой, образованной девушкой, как он мне говорил... И всё же эта девушка была и немного неопытна в плане общения с такими, как мне казалось, проницательными стратегами... Не хочу об этом думать, я просто готовлю сейчас свои любимые грибы, смешанные с курицей, и пони-

маю, что только вживую можно будет развязать язык, в котором я ещё робка...

С Лаурой я познакомилась в Динане, во время экскурсии по местной Цитадели – даже во время подъёма на фуникулёре к ней. Динан – небольшой город во франкоязычной части Бельгии, Валлонии, сочетавшим в себе горы с водой, прямо как мой любимый Сочи! Только стоял он на реке, а не на морском побережье. В то же время эта река сыграла серьёзную экономическую роль в развитии всех близстоящих к ней городов, и на самой экскурсии, если не брать частные знания конкретно об этом городе и о Бельгии, я успела удивить гида хорошей памятью нашей хорошей российской школьной программы, в которой неплохо излагалась история Франции. В моей группе было только трое человек: я, Лаура и её парень, Виктор, который предпочитал, чтобы его называли Витторе. Он давно работал в Италии, если не учился и не родился там, но при этом, живя вдали от русской среды, демонстрировал самую настоящую живую русскую речь (думаю, можно догадаться, что послужило неопровержимым подтверждением тому). Объяснял он это русскими друзьями; со своей же подругой, Лаурой, он общался на итальянском, я же с ней – на французском. И ещё мы провели весь день вместе, в трёх музеях, в ресторане и на машине, возвращаясь втроём в Брюссель.

Один вопрос: как это так получилось?

Один ответ: неожиданное совпадение обстоятельств. Поначалу, скажу вам честно, мне понравился Витторе, но приняла я его за нидерландца или шведа: он был спокойным и серьёзным, даже немного холодным (светлые волосы завершали этот портретный набросок); он выглядел совсем остепенившимся, а его спутница казалась немногим старше меня, вела себя игриво и более чем естественно, что, признаюсь даже я, не убавляло ей шарма. Тогда мы старались не замечать особо друг друга, но первый обмен репликами всё-таки случился, после вопроса гида:

– Какие языки у нас тут присутствуют?

– Французский, – крикнули мы с Лаурой.

– Русский, – внезапно добавил Витторе.

– Как, тоже русский? – отреагировала я уже по-русски.

– Да. Но живу я в Италии.

– Повезло вам.

Не буду вдаваться в подробности всей нашей весёлой (валлонские гиды, как и представители прочих профессий, умеют быть душевными) и насыщенной экскурсии, но даже по её окончании, я, какое-то время застенчиво держась в сторонке и размышляя, всё же осмелилась подойти к этой паре и предложила помочь сделать им совместное фото. Больше всего я боялась недовольной реакции итальянки, у которой я как-то на минуту увела её «фотографа», для своих снимков. Но, как ни странно, её глаза приветливо сияли при виде меня, а стоило мне сказать несколько фраз на итальянском, она

пришла в восторг и, пока мы спускались с холма, где стояла Цитадель, стала со мной активно обсуждать образование и род деятельности друг друга. После чего последовал плавный переход:

– Пойдём с нами на экскурсию в пещеру, посмотреть на сталактиты и сталагмиты.

– Да что вы, я вас и так давно стесняю...

– Не-е-ет, даже не думай! Наоборот, будет веселее.

– А вас не смущает, что мы немного необычно познакомились?

– Я как раз только так и завела многих друзей, в том числе разных городов и стран, но это нисколько не мешает нашему общению! Мне только в удовольствие. И мне сейчас важно попрактиковать французский с тобой. Всё в порядке, не думай!

– Я в шоке, но мне приятно, – откликнулась я. – Вы рушите мои стереотипы. Думала, у взрослых людей всегда продуманы все планы, у них другой уровень общения, свои интересы...

И я, скорее всего, была старше духом, чем эта девушка, которой, как выяснилось, было уже двадцать девять, а её вечно свежий и динамичный взгляд на всё – от дополнительного образования и серьёзную работу мечты до путешествий, друзей и досуга – помог мне обрести близкую подругу, хорошо помнящую себя в моём возрасте и отвечающую на все мои вопросы уже с высоты своего жизненного опыта.

– Лаура, мой сосед-итальянец идёт на День Святого Патрика в тот же бар, что и ты!

– Правда? А что за бар?

– Я видела у тебя в ближайших событиях в профиле.

– А-а... Планы могут поменяться, но пока что я не отключу эту идею. Возможно, меня друг пригласит на вечеринку у себя дома.

– Я хочу пойти с тобой в бар. Ни разу не видела даже, как проходит праздник.

– Я в любом случае рада буду видеть тебя! Может, мы посетим оба места.

Некоторое время спустя я вернулась к беседе:

– Мой сосед сказал, что не может, так как едет на день рождения к родителям. Зато я познакомилась с ещё одним итальянцем, мы пойдём туда вместе... Но хотелось бы договориться о времени.

– Так, для начала я советую два бара: «Гран-Сентраль» и «Орейлис». Посмотри уже сама на сайтах, какой тебе понравится больше. Туда и пойдём.

Ещё некоторое время спустя:

– Лаура, мы ждём распоряжений о времени...

– Я сейчас готовлю. Нашла интересный рецепт...

– Другу на вечеринку?

– Нет, хотя бы себе, – ответила она со смехом. – Редко готовлю, но сейчас даже увлеклась...

– Но когда мы можем увидаться? В семь, как указано на сайте?

– Позже... Сообщи по ходу пьесы.

– Хорошо, оставь только свой номер для отправки SMS, у меня может пропасть сесть.

Думаю, не стоит напоминать, что я добиралась до “Майкл Коллинз”, пользуясь собственным ориентиром и помощью прохожих. Карту на новый месяц я так и не получила (бельгийская почта имела даже большее право называться «Почтой России» с конкретным шуточным оттенком), пребывая в ожидании (пока что) дней пять. О чём стоило предупредить и героя моих дальнейших походов – Франко.

Предыдущим вечером – наша утренняя беседа растянулась – я успела растаять от его похвал в мой адрес, продиктованных в аудиосообщении:

– Ты потрясающий кулинар. Я бы попробовал твоих грибов... Очень хочу научить тебя готовить нашу кухню: спагетти с... (и далее пошёл список).

– Мне нравится твой голос и твоя манера говорить!

– Мне тоже...

Это общепринятая вежливость, или я на полпути к чему-то плохому? Мне сложно было ответить себе честно, но я старалась сохранять спокойствие и даже написала своему жениху, как со мной пытаются выйти на общий диалог, но я держусь.

– Конечно, я верю в тебя, – отвечал он.

– Я сейчас пойду на вечеринку и не одну, поэтому пропаду.

– Хорошо, только обязательно напиши мне, когда вернёшься, я постоянно волнуюсь за тебя.

– Герман, в Брюсселе не так страшно возвращаться домой поздно ночью!

А тем временем долго искала лучший наряд для светского выхода, чтобы не ударить в грязь лицом ни перед кем: будь то знакомые Лауры, посетители бара или мой «коллега по франко-итальянскому тандему». В первую очередь важно было достойно предстать перед его глазами: они точно не упустят ни одного нюанса, завершающим образ даже самой хорошенькой девушки. Я решила не скромничать и, выдвинув до конца все полки, достала яркое красное платье, похожее на длинную облегающую кофту, под которое я пододела колготки, и, уже стоя наготове в бежевых сапогах на каблучке, купленных в Генте, сфотографировала себя в зеркало и отправила в Инстаграм, с подписью: «К Дню Святого Патрика готовы!»

Мы списались с Франко:

– Я тут успел отдохнуть... Но готов выехать хоть сейчас. Вы ведь встречаетесь в семь? – осведомился он, намекая на Лауру.

– Нет, она сможет только в десять... Тогда я сначала встречусь с тобой.

– Отлично, через полчаса я буду у тебя.

– У меня или в баре? – со смешком отреагировала я.

– Ну, мы можем что-то выпить у тебя, а потом пойдём в бар. А что ближе?

Я не растерялась с ответом на эту реплику:

– Так, бар находится севернее от меня, мне туда ехать 13 минут на автобусе и 21 идти пешком. Конечно, тебе из Сен-Жилля ближе до меня... Но если мы выпьем у меня, в бар уже не захочется идти! А я хочу новой атмосферы, надоело дома сидеть... Я целый день убирала квартиру.

– Хорошо, тогда лучше в баре! Буду на месте через полчаса, уже выхожу.

– Я пока собираюсь... У бара найдёшь меня по красному платью и бочкам (чуть не перепутала я с французским словом *botte*, сапог).

– Сапогам! *Stivali!* – помог он мне. – Да, я видел у тебя в профиле. (Быстро.)

– Ах да, спасибо... Я могу опоздать! – спохватилась я уже через пятнадцать минут.

– Не страшно, мне ещё осталось пятнадцать минут ехать, – с улыбкой отозвался он.

Даже при всей его любезности я предугадывала в ближайшей перспективе как минимум поток сдержанного удивления, как это я, живя к месту встречи ближе, умудрилась опоздать, «будучи давно готовой к выходу». Лучше и не знать, как проходят женские сборы – в последнюю секунду я просто сложила в сумку воду с конфетами и выбежала из

квартиры, стуча каблуками по лестнице и потом по мостовой и размахивая полами незастёгнутой шубы.

По иронии судьбы автобус уехал чуть ли не минуту назад. Ждать тринадцать минут было выше моих сил, поэтому я по старой, но недоброй привычке импульсивно решила пройти всё расстояние пешком! Без интернета и навигатора... Пришлось бежать по наитию на каблуках вниз по улице, вскоре разветвившейся на два рукава. «Боже мой, и что же из этого шоссе Одергем?» – думала я, мешкая между дорогой налево и направо и ругая себя, что так невовремя начинаю изучать свой же район; оставалось то и дело спрашивать у всех, кто проходил мимо. Те неуверенным жестом показывали вперёд, и я бежала дальше, отсчитывая назад каждую минуту на часах... и умудрялась останвиться на эту же самую минуту, чтобы сфотографировать какое-нибудь дерево, волшебным образом возвышающееся над домами на противоположной стороне и разрывающее ветками темнеющее небо. Улицы, пересекающие мою, словно кулисы театра, прикрывали собой целое действо – неизвестное, немного пугающее этой самой неизвестностью и возможной длительностью в целую ночь...

Не раз я сворачивала не туда и бежала тёмными переулками, фотографируя полумесяц над крышами и гордые, зловещие дома. Далее следовал парк, через который многие по привычке шли к Европейскому кварталу со всеми международными институтами и музеями, посвящёнными парламентаризму и истории Европы (я приобрела эту привычку поз-

же, а пока я ходила интуитивно, впадая в состояние детского восторга от каждого открытого для себя уголка).

«Обойдите парк Леопольда с той стороны, и вы попадёте на улицу Белльяр. Мы, кстати, туда же идем», – ответила мне пара милых пожилых людей. Значит, известное место...

И через минуту, после тёмно-зелёных зарослей, одиноких готических фонарей, которые я тоже не обделила вниманием и сфотографировала, на повороте, где стоял светофор, моим глазам предстал величественный ресторан, в иллюминации из лампочек, рассеянных по «паутине» на стенах. Казалось, сюда едут на кинофестиваль на элитных машинах.

Не забывая о тактичности даже в минуты очевидного опоздания, я отправила SMS прямо напротив у пешеходного перехода. И через двадцать секунд увидела стоящего перед входом в ресторан Франко, проверившего телефон, а потом тут же оторвавшего от него глаза и нашедшего меня раньше, чем я его. В темноте и без очков (которые я сняла, чтобы скрыть свою детскую ученическую сконфуженность, которая была мне совсем ни к чему, особенно сейчас) я приняла его за призрака, выплывшего из толпы других людей. Эти роковые глаза и уверенный, мужественный силуэт я не забуду никогда. Он был одет в элегантный черный костюмчик, в милovidную куртку, легко заменявшую пиджак и, вкуче с его чудесной свежей стрижкой, придававшую ему солидный вид. За почти пару суток я успела забыть, какой атмосферой от него веяло в баре, когда мы так ярко познакомились. И

теперь так застенчиво познакомились во второй раз.

Наши взгляды остановились друг на друге – он, загадочно улыбаясь, подал руку, и я прошла перед ним через дверь, над которой нависала странная дисгармоничная конструкция из досок. Внушительная барная стойка справа, с несколькими рядами стоящих друг на друге или свисающих с потолка разных бокалов... Скромная сцена для мини-оркестра в углу оставалась пока пустой. Между тем мы не нашли мест на первом этаже и решили подняться на второй, где мой взгляд упал на столик возле гигантского окна: что-то наподобие лоджии за ним стояло препятствием, чтобы полюбоваться чудесной панорамой из современных высотных зданий...

Конечно, я слегка огорчилась, что в единственный день в году, в Европе, где традиции разных стран распространяются легче, я так и не смогу насладиться малоизвестным мне и долгожданным праздником! Перспектива просто выпить меня не особо радовала – но помогли не забыть, что нашей миссией была практика двух по-своему чувственных романских языков; и менталитеты этих народов, скажем, были противоположными...

К волшебной панораме мы почему-то сели спиной, словно это было не самое главное; может, не хотелось совсем закрываться от внешнего мира, уникальной атмосферы бара, а на звёзды мы бы ещё успели посмотреть...

– Извини, я шла пешком, – начала я по-французски, волнительно тараторя, – поэтому пришла так поздно...

– Ничего.

– Тут еще кадры кое-какие сделала по пути... Смотри. Вот деревья, небо, фонарь... Освещение такое... Я сфокусировалась на этом кусочке картинки.

– Знаешь, – подхватил мою тему Франко, – я тоже люблю делать фотографии. Ты же видела мой аккаунт?

– Да-да, – отреагировала я. – Но у тебя там целые города и достопримечательности, а у меня всё самое обычное, повседневное, пейзажное... Там совсем другое содержание.

– Верно, но и каждый город несёт в себе свою атмосферу и воспоминания. Я буквально недавно был в Амстердаме, по работе.

– О, Амстердам! Я пока что только мечтаю туда попасть.

– Он замечательный. И вот там...

Он ушёл в повествование, а я, слушая его и вспоминая два немного неоднозначных кадра ночного города, с освещением цвета «Крика» Мунка, цвета чумы Камю, успела параллельно поймать себя на другой мысли: «Боже, какой он молодец, путешествует не ради отдыха, а едет по командировкам», – и постепенно так соединила друг с другом два витка, завершивших его двусмысленный портрет.

Моя красная сумка лежала прямо на столе, перед моими глазами, чтобы её никто не украл, если мы успеем полностью уйти в разговор и отвлечься. В то же время я не стала её ставить в более надежное место – между мной и Франко, словно не хотела, чтобы нас что-то разделяло... Зато мы лучше

услышим речь друг друга, особенно с включённой музыкой.

– Давай так: я буду говорить по-французски, а ты слушаешь меня и ухватываешь новые слова, а я слушаю тебя... и ловлю заодно твою интонацию; пока что на итальянском я много не расскажу, а хотелось бы.

– Так и сделаем, – одобрил он. – Allora!..⁸

Наши речи, грамотно поставленные, полноценные, многогранные, со своими живыми оттенками, били разными ключами индивидуализма – и в то же время, как нам казалось, мы звучали в унисон, понимая друг друга, пусть и на разных языках и будучи разного пола и возраста. Удивительно, как такое только удаётся... В теории, может, и нет, но на практике возможно и больше.

– Cosa vorresti prendere?⁹

Я долго изучала меню и остановилась на чём-то, мне знакомом: это было шампанское «Кава». Он поддержал мой выбор и захотел заказать то же самое. Однако время шло, а никто к нам так и не подошёл... Наконец Франко, прервавший беседу, вновь осмотрелся по сторонам:

– Где же официантка? Я подойду, наверное, к стойке.

– Как, еще раз, ты назвал её?

– Cameriere.¹⁰

Наконец-то мы сделали заказ и вернулись к самому глав-

⁸ Итак!..

⁹ Чтобы ты хотела выпить? (итал.)

¹⁰ Официантка

ному для нас разговору: что же нас внезапно объединило в этом месте и что же каждый из нас делает по жизни, какой он делает свою жизнь. Моя деятельность, несмотря на какие-то личные достижения и увлечения, казалась ещё слишком прозаичной и не имевшей большой ценности, ведь я всего лишь студентка. А этот человек, пусть и прошедший не так давно через вторую магистратуру, представлял совсем другой этап жизни: он приехал в Брюссель, как он уже повторился, неделю назад, работать с политически заинтересованной молодёжью разных стран Европы; перечислил все направления и задачи своих проектов, отчего в моих глазах ценность его, как человека, состоявшегося в жизни, только росла...

– Я раньше учился на юриста. Поработал юристом полгода – и мне хватило этого срока, чтобы понять, что это абсолютно не моё!.. И вот я поехал в Испанию, где прожил два года – и там как раз и выучил испанский, и получал там магистратуру по международным отношениям. И это мне нравилось гораздо больше, я изначально представлял свою жизнь, связанную с ними...

Он так презентабельно и практически без пауз обо всем рассказывал, что я не сдержалась и сделала комплимент:

– И это же здорово, что ты... – умолкла вдруг я, от немного неестественного обращения на «ты», задержав на себе завораживающий средиземноморский взгляд мужчины, который был гораздо старше меня морально (тут уже сомнения

развеялись), пусть и пытался выглядеть лёгким на подъём. – Что ты в свои двадцать восемь столького добился! Я просто даже не знаю, что тут ответить... Помню, кстати, мне рассказывали, что на юге Италии вообще нет работы, как минимум для молодых людей, и там живут с родителями до тридцати. Поэтому стараются переезжать на север Европы.

– Ну вот, как видишь, я сам с юга и по этой самой причине здесь, – рассмеялся он и положил локти на стол, закинув голову и посылая мне уже менее напряжённые, приветливые искорки, на которые я в этот раз с радостью ответила. Я была счастлива, что общалась с таким серьёзным и самим по себе необычным, интересным человеком. И всё же... я подзревала, что иду не по тому пути, отчего мне становилось неловко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.